

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

АПОЛОГИЯ МАЛЬТУСА

А.Н. Шолудько, В.А. Шупер

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198

Теория народонаселения Т. Мальтуса, противоречивая и неоднозначно трактуемая, продолжает оказывать влияние на экономическую и социальную мысль. В настоящей статье рассматривается демографическая сторона данной теории, делается попытка переосмыслить теоретические воззрения Т. Мальтуса с точки зрения современных тенденций развития общества.

Человек, в защиту которого мы считаем своим долгом выступить, умер 173 года назад. Даже в энциклопедическом словаре «Демография», выпущенном издательством «Большая российская энциклопедия» в 1994 г., в огромной статье «Мальтузианство» содержится далекое от истины утверждение, будто «он [Мальтус] усматривал средство от перенаселения в распространении в народе норм христианского аскетизма, в «нравственном обуздании» (добровольном отказе от вступления в брак и рождения детей)». Можно только поблагодарить Бога, что этого не довелось прочесть самому Мальтусу, ревностному христианину, священнику и богослову. Мальтусу как человеку и мыслителю в этом почтенном издании посвящена, напротив, очень краткая (и очень сухая) статья, в которой не упомянуто даже, что он был иностранным почетным членом Петербургской Академии наук (1826). Указание на это обстоятельство, абсолютно обязательное для любых энциклопедических изданий, странным образом отсутствует и в статье «Мальтус» в Большой советской энциклопедии, которую готовили, не в пример Большой российской, с отменным тщанием. Ну, а заканчивается статья «Мальтузианство» в БСЭ так: «Положения мальтузианства и неомальтузианства являются ярким подтверждением реакционности буржуазной идеологии, поэтому классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали необходимость решительной, бескомпромиссной и беспощадной борьбы против мальтузианства, неомальтузианства во всех его разновидностях, «... против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества» [1. С. 257].

Томас Роберт Мальтус (17.02.1766—23.12.1834) был не только ревностным христианином, он столь же преданно и талантливо служил идеалам Просвещения. Он блистательно показал, как вера в Разум может самым органичным образом сочетаться с верой в Бога. В наше время, когда одни не верят в Бога, другие — в Разум, а третьи — и их становится все больше и больше — вообще ни во что не верят, едва ли будет легко привлечь внимание к идеям старого доброго рационалиста, но, может быть, судьба до безобразия извращенных идей этого оболганного и оклеветанного человека будет небезынтересна нам, живущим в эпоху постепенного угасания «естественного света разума»?

Гуманистическая направленность воззрений Мальтуса. Поскольку современники были не более справедливы к Мальтусу, чем потомки, он успел ответить на очень многие выпады в свой адрес: «Утверждают, что я написал большое сочинение лишь для того, чтобы доказать, что население размножается в геометрической прогрессии, а средства существования возрастают в арифметической. Это несправедливо. Первое из этих положений казалось мне несомненным, как только была доказана степень размножения в Америке, а второе совсем не требовало доказательств. Главная цель моего сочинения заключается в исследовании последствий, которые неизбежно должны проистекать и действительно проистекали среди человеческих обществ из этих, изложенных на первых страницах, законов» [2. С. 116].

Было бы глубоко неверно вытаскивать социального мыслителя, жившего и работавшего два столетия назад, на суд современности и попрекать за допущение ошибки. Разумеется, население не растет в геометрической прогрессии, если не брать отдельные не слишком продолжительные периоды в истории отдельных стран. Разумеется, физиократы заблуждались, считая, что национальный доход создается только в сельском хозяйстве, а Мальтус шел за ними и полагал вредным для экономики оказывать помощь нуждающимся не продовольствием, а деньгами — он считал в высшей мере благородным поступком возделывать участок земли и отдать урожай нуждающимся, но денежная помощь, по его мнению, привела бы только к увеличению совокупного спроса на тот же объем продовольствия и соответственно к росту цен. Мальтус мыслил в категориях своего времени, и он интересен нам именно как передовой его представитель. Разве не вызывает уважения его проницательное замечание: «После появления на свет замечательного сочинения Ад. Смита трудно понять, как может еще существовать мнение, что от всемогущества правительства зависит изменение экономических условий, в которых находится страна, и что спрос и предложение могут быть уравнины указом или постановлением» [2. С. 36]? Разве не должны мы сочувствовать Мальтусу в его борьбе против опаснейшего предрассудка, лежащего в основе если не всех, то большинства социальных потрясений: «Бедствия низших классов населения и привычка винить в этих бедствиях правительство представляются мне истинной опорой деспотизма. Эти бедствия и эта привычка создают основания для злоупотребления властью» [2. С. 61]? Именно необходимость держать в повиновении низшие классы общества, с точки

зрения Мальтуса, служила оправданием деспотического правления и представляла главную угрозу демократии.

Далее Мальтус развивает эту мысль: «Таким образом, возлагаемая Пейном и его единомышленниками на правительство ответственность за народные бедствия, очевидно, ошибочна. Хотя свободные государственные учреждения и хорошее правительство содействуют до некоторой степени уменьшению бедности, тем не менее их влияние в этом отношении оказывается лишь косвенным и крайне медленным. По своим последствиям влияние это несколько не соответствует тому непосредственному и быстрому облегчению, которое народ рассчитывает достигнуть при посредстве революций. Эти преувеличенные надежды и возбуждение, вызываемое неисполнением их, дают ложное направление усилиям народа добиться свободы и препятствуют введению возможных преобразований, хотя и медленных и постепенных, но в то же время верных и, несомненно, ведущих к улучшению участи народа» [2. С. 65]. Очевидно, Мальтус был эволюционистом и демократом. Ниже мы попытаемся показать, что он был отчасти даже социал-демократом, предвосхитив задолго до возникновения самого этого направления некоторые очень важные его позиции. Впрочем, сначала покажем, что, вопреки недоброй славе, Мальтус был подлинным гуманистом, и идея подчинения интересов человека интересам государства была для него совершенно неприемлема.

Подход Мальтуса к эмиграции в этом отношении вполне характерен: «Таким образом, необходимо признать несомненным, что *выселение безусловно недостаточно для устранения бедствий, порождаемых чрезмерным размножением населения. Но если смотреть на него как на временную и частную меру, предпринятую для распространения культуры, то выселение оказывается пригодным и полезным* [выделено нами. — Авт.]. Быть может, нельзя доказать, что правительства обязаны деятельно поощрять его, но не подлежит сомнению, что запрещение выселений не только несправедливая, но и крайне ошибочная мера. Трудно придумать что-либо безосновательнее опасений, что выселения могут явиться причиной обезлюдения страны. Любовь к родине и привязанность к семейному очагу так существенна и крепка, что люди никогда не решатся на выселения, если только политические неудовольствия или безысходная бедность не принудят их к этому крайнему средству, а в таком случае для самого отечества их удаление только полезно. Также неосновательны предположения, что выселения повышают заработную плату. Если она в какой-либо стране даст возможность низшим классам жить без крайних лишений и страданий, то можно быть уверенным, что люди этих классов не подумают о выселении; если же она так недостаточна, что порождает лишения и страдания, то с нашей стороны было бы жестоко и несправедливо противодействовать выселениям» [2. С. 33].

Расхожее заблуждение относительно того, что Мальтус считал войны и эпидемии естественными регуляторами численности населения, опять же лучше опровергать, предоставив слово самому Мальтусу. Мальтус считал такие регуляторы глубоко противоестественными. Он писал: «Одной из главнейших причин

войн между древними народами был недостаток места и пропитания; хотя в условиях существования современных народов и произошли некоторые перемены, тем не менее, та же причина не переставала действовать, изменив лишь степень своего напряжения. Честолюбие правителей недоставало бы орудия для разрушения, если бы бедствия не побуждали низшие классы общества становиться под их знамена. Вербовщики мечтают о плохой жатве; им выгодно, чтобы возможно большее число рук оставалось без работы, другими словами, им выгоден излишек в народонаселении. В более ранние времена, когда война была главным занятием людей и когда причиняемое ею уменьшение населения было несравненно больше, чем в наши дни, законодатели и государственные люди, постоянно озабоченные изысканием средств для нападения и обороны, считали своей обязанностью поощрять всякими мерами размножение населения; для этого они старались опозорить безбрачие и бесплодие и, наоборот, окружить почетом супружество. Народные верования слагались под влиянием этих правил. Во многих странах плодovitость была предметом поклонения. Религия Магомета, основанная мечом и путем значительного истребления своих правоверных последователей, установила для них в виде важнейшей обязанности стремление к народжению как можно большего числа детей для прославления их Бога. Такие правила служили могущественным поощрением супружеств, а вызванное ими быстрое возрастание населения являлось одновременно и следствием, и причиной постоянных войн, отличающих этот период человечества. Местности, опустошенные предшествовавшей войной, заселялись новыми жителями, которые предназначались для образования новых армий, а быстрота, с которой производились наборы, являлась причиной и средством для новых опустошений. При господстве таких предрасположений трудно предвидеть конец войнам» [2. С. 52].

Столь же однозначно «человеконенавистник» Мальтус формулировал и свое отношение к эпидемиям: «... Я утверждал и продолжаю этому верить теперь, что если средства существования страны не допускают быстрого возрастания населения (а это не находится в зависимости от оспопрививания), то неизбежно должно произойти одно из двух: или увеличение смертности от какой-либо иной причины, или уменьшение относительного числа рождений. Но я в то же время выразил желание, чтобы произошло последнее; поэтому на основании принципов, которые я всегда провозглашал, меня нужно признавать, как это и есть в действительности, ревностнейшим сторонником оспопрививания. Делая все, что от меня зависит, для улучшения благосостояния неимущих и уменьшения среди них смертности, я поступаю совершенно согласно со своими принципами» [2. С. 113]. Обиженный современниками Мальтус сказал с сердцем: *«Нужно совершенно не понимать моего учения для того, чтобы считать меня врагом размножения населения. Враги, с которыми я борюсь, — это порок и нищета* [выделено нами. — Авт.]» [2. С. 111].

Отвлечемся на время от собственно демографических проблем и посмотрим на Мальтуса как на социального мыслителя. Попытаемся разобраться, относился ли он к людям из низших классов как к цели или как к средству. Для тех, кто зна-

ком с книгой Мальтуса, ответ очевиден: его позиция была подлинно гуманистической и выражалась в последовательном неприятии всего того, что влечет снижение стоимости рабочей силы, будь то введение картофеля и молока в качестве основной пищи для рабочих или покупка для них коров с целью поощрить трудолюбие и улучшить питание. Только относительно высокая стоимость труда могла оставить в распоряжении работника хоть какие-то средства, позволявшие ему приподняться над уровнем нищеты. «Так как *употребление молока, картофеля и похлебки, как главной пищи народа, вызовет понижение заработной платы* [выделено нами. — Авт.], то, быть может, найдется такой бессердечный политик, который посоветует принять подобную меру для того, чтобы иметь возможность производить в Англии и поставлять на европейские рынки товары по самой низкой, не допускающей конкуренции, цене. Я не могу одобрить подобных побуждений. В самом деле трудно представить себе более отвратительного поступка, как осуждение рабочих классов своего отечества на крайнюю нищету из-за желания более выгодно продать партию сукна и бумажных материй. Богатство и могущество наций имеют какое-либо значение лишь в том случае, если они содействуют умножению счастья всех людей, составляющих эту нацию. Говоря это, я не имею в виду уменьшить их [богатства и могущества] значение; напротив, я смотрю на них, как на необходимое средство для достижения такой цели. Но если бы в каком-нибудь частном случае подобная цель и подобные средства для ее достижения оказались в совершенном противоречии, то разум не допускает сомнений в том, какой выбор необходимо сделать» [2. С. 92].

Веривший в разум Мальтус считал необходимым ответственное отношение к браку, возможному лишь тогда, когда есть возможность содержать свое потомство, не перекладывая эту священную обязанность на общество. Он видел выход в поздних браках, а отнюдь не в «добровольном отказе от вступления в брак и рождения детей». При этом он решительно выступал против традиции, побуждающей женщин выходить замуж в юном возрасте даже за мужчину, который намного старше, чтобы не остаться без семьи. Мужчинам в летах, по Мальтусу, безусловно, следует жениться, но на женщинах, которые значительно ближе им по возрасту. Такое предложение, конечно же, было в интересах женщин, но отнюдь не в интересах самого Мальтуса. Однако наибольшую антипатию современников, передавшуюся, к сожалению, и потомкам, он снискал не этим.

Долгосрочные последствия социальной политики общества. Верный идеалам Просвещения, Мальтус считал ответственное отношение к семье долгом каждого человека. Поэтому, с его точки зрения, было бы совершенно безответственным поощрять бедных к ранним бракам, давая возможность содержать свое потомство за счет общества, т.е. приходов. По этой причине он полагал крайне вредным признание за бедными *права на прокормление*. В случае неурожаев и в других критических ситуациях помогать нуждающимся совершенно необходимо, но нельзя признавать за людьми *право на получение помощи*, поскольку это приводит к безответственности и иждивенческим настроениям. Потеряла ли эта проблема актуальность за два столетия? Стал ли подход Мальтуса менее непопулярным?

Мальтус решительно спорил с современниками, отстаивавшими это право: «В действительности, что бы ни было по этому вопросу выставлено бесплодным красноречием, наше поведение, в сущности, доказывает, что этого воображаемого права [права бедных на прокормление] вовсе не существует. Если бы бедные имели право содержаться за счет общества, ни один человек не мог бы без нарушения справедливости носить платье из хорошего сукна и удовлетворять свой голод мясом. Те, которые защищают это право и в то же время ездят в экипажах, живут в изобилии, даже кормят лошадей на земле, которая могла бы служить для прокормления людей, по моему мнению, находятся в противоречии с собственными принципами» [2. С. 116]. Рационалист Мальтус задумывался о долгосрочных последствиях проводимой социальной политики в существенно большей степени, нежели его современники или современники наши: «Не полезнее ли отдать кусок баранины, предназначенный для моего обеда, бедному рабочему, который в течение целой недели не ел мяса? Не лучше ли отдать его семье, не имеющей чем утолить свой голод? Если бы эти потребности по природе своей не возникали по мере их удовлетворения, то, без сомнения, было бы весьма полезно удовлетворить их, и я не колеблясь признал бы право тех, которые испытывают эти потребности. Но так как опыт и умозрение неотразимо доказывают, что признание права увеличило бы потребности до такой степени, что не было бы *возможности* [выделено нами. — Авт.] их удовлетворить, и так как попытка осуществить такой образ действий неизбежно повергла бы род человеческий в самую ужасающую нищету, то очевидно, что наше поведение, безмолвно отрицающее подобное право, более согласно с законами нашей природы, чем бесплодное красноречие, отстаивающее его существование» [2. С. 116—117]. Можно ли после этого сказать, что Мальтус был глубоко неправ? Или хотя бы, что он безнадежно устарел?

Мальтус писал: «Необходимо сделать один, по моему мнению, неизбежный шаг, прежде чем предпринимать какие-либо важные изменения в существующей системе, будет ли касаться вопрос уменьшения вспомоществований или совершенной их отмены. Этого требует честь и справедливость. Необходимо *открыто отказаться от признания за бедными воображаемого права содержаться на общественный счет* [выделено нами. — Авт.]. Для достижения этой цели я предложил бы издать закон, по которому приходские попечительства отказывают в пособиях детям, рожденным от браков, заключенных через год после обнародования закона, и всем незаконнорожденным, появившимся на свет через два года после его обнародования. Для того чтобы закон стал всем известен и глубоко запечатлелся в сознании народа, я предложил бы вменить в обязанность священникам непосредственно вслед за оглашением предстоящего брака произносить краткое внушение, в котором настойчиво указывалась бы несложная обязанность каждого человека заботиться о существовании своих детей и напоминалось бы о безрассудстве и безнравственности тех, которые вступают в брак, не имея надежды выполнить эту священную обязанность, о бедствиях, которым подвергались неимущие каждый раз, когда стремились к бесплодной попытке заменить попечения, возложенные природой на родителей,

заботами общественных учреждений, и, наконец, о настойчивой необходимости отказаться от этих попыток, приведших к последствиям, совершенно обратным тем, которые от них ожидалось» [2. С. 71].

Мальтус считал необходимой и желательной добровольную помощь, предпочтительную и в моральном, и в политическом отношении, поскольку она способствует установлению солидарности между различными классами общества, в то время как обязательная помощь развращает одних и не приносит удовлетворения другим. Однако он четко различал цель и средства. Признание права бедных на получение помощи возможно и даже полезно, если не влечет крайне отрицательных последствий для общества в целом. Позиция Мальтуса состояла в том, что мужчина должен вступать в брак только тогда, когда его заработок и сбережения позволяют содержать жену и шестерых детей. Разве не была такая позиция оправдана при полном отсутствии семейного планирования? Разве не поступил Мальтус разумно и гуманно, предложив безусловно платить пособия тем рабочим, у которых родится более шести детей: «Мне могут возразить, что все это благоразумие [удерживающее от вступления в брак до той поры, пока не появится возможность содержать жену и шестерых детей] может оказаться бесполезным, так как вступающий в брак не может предвидеть, сколько у него будет детей и не будет ли их больше шести. Это справедливо и в таком случае, я полагаю, не было бы никакого неудобства в том, чтобы выдавать пособие на каждого ребенка сверх этого числа, но не в виде вознаграждения за многочисленное семейство, а для облегчения бремени, которое он не мог предвидеть при своем вступлении в брак. Следовательно, и размер пособия должен быть таков, чтобы поставить его в одинаковое положение с тем, который имеет шесть человек детей. По поводу указа Людовика XIV, предоставлявшего некоторые преимущества тем, у кого будет десять или двенадцать детей, Монтескье замечает, что подобные постановления бессильны поощрить возрастание населения. Та самая причина, которая побуждает его порицать закон Людовика XIV, побуждает меня утверждать, что его можно было бы принять безо всякой опасности» [2. С. 103]?

Мальтус был сыном своего времени и не мог предвидеть семейного планирования, да еще на современной технической основе, но потомкам ли его, сделавшим деторождение чуть не главным источником доходов для изрядной части населения европейских стран, попрекать старого рационалиста за отсутствие прозорливости? Мальтус был на высоте задач своего времени, он относился с большой озабоченностью к росту городов, считая условия существования в них крайне вредными для человека, и занимал последовательно гуманистическую позицию, не впадая при этом в консерватизм: «...Необходимо признать, что возрастание населения задерживалось успехами цивилизации. Число городов и фабрик возрастает, а на изменение условий существования в них трудно рассчитывать. Конечно, мы обязаны стараться, насколько это от нас зависит, чтобы они не сокращали продолжительность жизни, но вряд ли мы будем в состоянии достигнуть когда-нибудь того, чтобы пребывание в городах и работа на фабриках были так же здо-

ровы, как жизнь в деревнях и сельские занятия. Действуя, как силы разрушительные, города и фабрики тем самым уменьшают необходимость препятствий, предупреждающих размножение населения» [2. С. 104].

Социально-демократические идеи Мальтуса. Успехи цивилизации, по Мальтусу, сами по себе не могут привести к снижению темпов роста населения, настолько существенному, чтобы отпала надобность в нравственном обуздании страстей: «Разве города и фабрики Швейцарии, Норвегии, Швеции являются могилами рода человеческого и предупреждают всякую возможность избыточного населения? В Швеции сельское население относится к городскому как 13:1, а в Англии как 2:1, и тем не менее население возрастает быстрее в последней. Как же согласить подобный факт с утверждением, что успехи цивилизации постоянно сопровождаются соответственным ослаблением естественного стремления к размножению? Норвегия, Швеция и Швейцария управлялись довольно удовлетворительно, а между тем мы не замечаем в них тех „предупредительных изменений“, которые, по словам Вейланда, обнаруживаются в каждом обществе, по мере истощения почвы, и которые „отвращают многих людей от брака и делают все большее число людей неспособными к пополнению убывающего населения“. Что же отвращает в этих странах от вступления в брак, как не отсутствие средств для содержания семьи? Что делает людей, вступивших в брак, неспособными к пополнению убывающего населения, как не болезни, происходящие от бедности и недостатка средств существования? Если размышление над состоянием этих и многих других стран доказывает, что свободное заключение ранних браков неминуемо влечет за собой увеличение смертности, являющейся следствием нищеты, то вправе ли мы утверждать, что нет никакого нравственного основания сдерживать такие ранние браки? Когда нам известно, что во многих, а может быть, даже во всех европейских странах заработная плата недостаточна для содержания многочисленного семейства в здоровом состоянии, то как можем мы утверждать, что население не достигло еще крайних пределов и что „бедствия, порождаемые избыточным населением, могут проявиться только в стране, населенной до той крайней степени, выше которой не могут уже возрасти ее средства существования“?» [2. С. 131].

Важной и интересной чертой мировоззрения Мальтуса надо считать сочетание социал-демократических мотивов, упоминавшихся выше, с прямо-таки столыпинскими упованиями на средний класс. Правда, в промышленной Англии средний класс отнюдь не вырисовывался в образе крепких сельских хозяев. Продолжая полемику с Вейландом, Мальтус пишет: «Это действительное размножение, т.е. истинные границы населения, должно постоянно находиться гораздо ниже наибольшего предела производительной силы земли, дающей средства для продовольствия. Это последнее условие вытекает, во-первых, из того, что мы не вправе предположить, чтобы искусство и трудолюбие людей в современном обществе могли получить *возможно* лучшее применение для удовлетворения этой производительности; во-вторых, из того, что *наибольшее* [выделено нами. — Авт.] производство питательных веществ не может быть достиг-

нуто при системе частной собственности [выделено нами. — Авт.], как я это объяснил ранее» [2. С. 131—132].

Вероятно, мост между вполне социал-демократическим отношением к системе частной собственности на землю и вполне буржуазным — к среднему классу может образовать неприятие Мальтусом роскоши, причем как по моральным, так и по экономическим соображениям: «Нет никакой необходимости в том, чтобы богатые предавались чрезмерной роскоши для поддержания фабрик и чтобы бедные лишали себя всяких удобств для поддержания населения. Наиболее полезные во всех отношениях фабрики — это те, которые служат для удовлетворения потребностей всей массы населения. Наоборот, те, которые удовлетворяют потребности богатых, не только имеют меньшее значение вследствие ограниченного спроса их изделий, но представляют еще то неудобство, что часто обуславливают большие бедствия благодаря изменчивости моды, которой они управляются. Умеренная роскошь, равномерно распространенная между всеми классами общества, а не чрезмерная роскошь небольшой группы людей, необходима для счастья и благоденствия народа» [2. С. 102]. Именно от этих положений Мальтус плавно переходит к упованиям на средний класс как на опору нравственности в обществе и источник его экономического процветания: «Вообще замечено, что среднее положение в обществе наиболее благоприятно для развития добродетели, промышленности и всякого рода дарований. Но, очевидно, все люди не могут принадлежать к среднему классу. Высшие и низшие классы неизбежны и притом весьма полезны. Если бы в обществе не было надежды на повышение и опасения понизиться, если бы за трудолюбием не следовало вознаграждение, а за ленью — наказание, то не было бы той деятельности и усердия, которые побуждают каждого человека к улучшению своего положения и которые являются главным двигателем общественного благополучия» [2. С. 102].

Мальтусу нельзя отказать не только в проницательности, но и в прозорливости. Указывая, что благосостояние государств усиливается по мере увеличения численности среднего класса, он, как всегда, остается верным гуманистическим принципам и возлагает надежды на технический прогресс именно как важнейший фактор роста численности среднего класса: «При таком замещении низших классов средними [благодаря техническому прогрессу] всякий работник имел бы право надеяться на улучшение своего положения собственными силами и прилежанием. Трудолюбие и добродетель чаще получали бы вознаграждение. В громадной общественной лотерее оказалось бы больше выигрышей и меньше пустых билетов. Словом, общая сумма счастья, очевидно, возросла бы» [2. С. 102].

Вопреки распространенному заблуждению, сочинения Мальтуса проникнуты духом социального оптимизма, а отнюдь не предчувствием катастрофы. Верный принципам рационализма, он призывал современников смотреть правде в глаза, быть мужественными и упорно работать для достижения лучшего будущего: «Если бы картина прошлого давала мне право надеяться, что существенное улучшение общественного строя не только возможно, но хотя бы вероятно, то разрушение этих надежд, без сомнения, опечалило бы меня. Но если,

напротив, опыт прошлого не позволяет мне рассчитывать на такое улучшение, то я без всякой печали взгляну на неразрывно связанное с нашей природой затруднение, с которым приходится вести постоянную борьбу, так как эта борьба возбуждает энергию человека, развивает его способности, закаляет душу, улучшает его во многих отношениях, словом, является в высшей степени пригодной для его испытания. Гораздо лучше установить такой взгляд на положение общества, чем уверять себя, что все бедствия легко могли бы быть устранены из нашей жизни, если бы испорченность людей, влияющих на общественные учреждения, не искажала всякие полезные начинания» [2. С. 125].

Как тут не вспомнить полемику А.В. Луначарского (1875—1933) и А.И. Введенского (1888—1946) при обсуждении вопроса о происхождении человека. Исчерпавший аргументы Введенский сказал, что он готов признать, что Луначарский произошел от обезьяны, но он, Введенский, произошел от Бога. Луначарский в ответ изъявил готовность признать, что он произошел от обезьяны, в то время как Введенский произошел от Бога, но отметил, что всякий, взглянувший на него, Луначарского, скажет «Какой прогресс!», а взглянувший на Введенского — «Какое убожество!» Более чем столетием раньше мысливший сходным образом сын Просвещения, сам священник и теолог, Мальтус решительно сохранял преданность Разуму: «Если невежество есть благо, то нет надобности в просвещении. Но если оно, как в данном случае, опасно, если ложные воззрения на общественный порядок не только задерживают прогресс, но еще жестоко обманывают наши надежды, то мне кажется, что чувства и ожидания, внушаемые здравым взглядом на будущее, являются источником утешения и что люди, обладающие этим здравым взглядом, более счастливы и более участвуют в усовершенствовании и упрочении благосостояния общества, чем если бы они отвернулись от истины» [2. С. 126].

Социальный оптимизм, основанный на рационализме и мужественном приятии объективных реалий, сочетался у Мальтуса с тонкой методологической интуицией, поставившей его далеко впереди своего времени. Разве сейчас, когда интеллектуальный уровень в обществе снижается катастрофически, когда в социальных науках наблюдается засилье эмпиризма, а наиболее авторитетные социологи безо всякой дрожи в голосе говорят об исчерпании социологической теории, не имеет смысла послушать сказанное два столетия назад: «Нам прожужжали уши пустыми обвинениями против теорий и их авторов. Люди, ратующие против теорий, кичатся своей приверженностью к практике и опыту. Необходимо согласиться, что плохая теория — очень плохая вещь и что авторы таких теорий не только не приносят пользы, но нередко даже причиняют обществу вред. Тем не менее крайние защитники практических методов не замечают, что сами попадают в ловушку, от которой стараются предостеречь других и большинство их может быть причислено к авторам самых зловредных теорий. Когда человек передает то, что он имел случай наблюдать, он тем самым увеличивает общую массу сведений и приносит пользу обществу. Но когда он делает общие выводы или строит теорию на основании ограниченного наблюдения над фактами, имевшими место на его ферме или в его мастерской, то он оказывается тем более опасным теоре-

тиком, что опирается на наблюдение, так как в таких случаях часто упускается из виду, что разумная теория должна основываться на общих, а не на частных фактах» [2. С. 94]? Далеко ли мы ушли от воззрений Мальтуса и, главное, шли ли мы вперед?

Истоки мировоззрения Мальтуса. Наконец, вопрос, который обязывает нас рассмотреть уважение к личности Мальтуса, — это вопрос о соотношении его воззрений на развитие общества и его веры. «Не входя здесь в излишние подробности, которые далеко отвлекли бы нас, — пишет Мальтус, — мы можем установить на основании учения апостола Павла следующее общее правило христианской религии: супружество, если оно не противоречит более высоким обязанностям, заслуживает нашего одобрения, но если оно противоречит им, то достойно порицания. Правило это совершенно совпадает также с неоспоримыми требованиями самой высокой нравственности: „Чтобы познать разумом волю Божью, необходимо оценить значение поступка относительно всеобщего блага“» [2. С. 53]. Далее Мальтус развивает эту мысль: «Я верю, что цель Творца заключается в том, чтобы земля была населена; но я думаю, что Он желает, чтобы она заселилась породой здоровой, добродетельной и счастливой, а не больной, порочной и несчастной. Если под предлогом повиновения велению плодиться и размножаться мы населим землю последней породой и таким образом добровольно подвергнемся всевозможным бедствиям, то лишимся права обвинять в несправедливости божественную заповедь и должны будем объяснять свои страдания безрассудным исполнением священного закона» [2. С. 112].

Чтобы понять, где истоки мировоззрения Мальтуса, необходимо вспомнить, что наука Нового времени не стала продолжением античной науки, хотя взяла у нее очень много. Она выросла из средневековой философской схоластики, когда на рубеже XVI и XVII вв. возникла исключительно плодотворная мысль о том, что Богом созданы не одна, а две книги — Священное писание и Природа. Родоначальник философии Нового времени Ф. Бэкон (1561—1626), пламенный защитник эмпирического (опытного) метода познания, умерший от простуды, полученной при проведении опытов по замораживанию кур, писал о Боге: «И для того, чтобы мы не впадали в заблуждение, Он дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля божья, а затем книгу Природы, раскрывающую Его могущество. Из этих двух книг вторая является как бы ключом к первой, не только подготавливая наш разум к восприятию на основе общих законов мышления и речи истинного смысла писания, но и главным образом развивая дальше нашу веру, заставляя нас обратиться к серьезному размышлению о божественном всемогуществе, знаки которого четко запечатлены на камне его творений» [3. С. 118].

Следовательно, вторая книга также может и должна исследоваться рациональными, т.е. логическими методами, каковыми в этом случае следует считать эксперимент и интерпретацию его результатов, причем результаты эти должны описываться в форме математических формализмов. Возможность последней основывалась не только на успехах математики, но и на непоколебимой вере в совершенство божьего замысла. Отсюда и знаменитое ньютоновское изрече-

ние о том, что книга природы написана на языке математики. При этом И. Ньютон (1643—1727) был глубоко религиозным человеком и трактовал пространство как чувствилище божье. Столь же религиозным был и Мальтус, скорее всего, видевший в своих научных изысканиях свой долг христианина.

Попробуем бросить общий взгляд на концепцию Мальтуса с того огромного расстояния, которое нас от него отделяет. Положение в Черной Африке, где уже три десятилетия практически не наблюдается прогресса в производстве продуктов питания на душу населения, увы, заставляет признать, что старик Мальтус был не так уж далек от истины и что, не снизив темпы роста населения, решить продовольственную проблему (а вместе с ней и экологическую, поскольку превышение всех и всяких допустимых нагрузок на сельхозугодья и вырубка лесов приводят к опустыниванию, прогрессирующему очень быстро) явно не удастся. Происходящее на других континентах тоже едва ли опровергает положения Мальтуса. Если вынести за скобки некоторые богатые нефтедобывающие страны, то никому еще не удалось вырваться из нищеты, не снизив рождаемость весьма существенным образом, и Китай, где рождаемость сейчас ниже, чем во Франции, — самый яркий тому пример. Трудно переоценить роль семейного планирования, но огромно значение и повышения брачного возраста и особенно возраста рождения первого ребенка, что, собственно, и имел в виду Мальтус.

Мальтус был бы приятно удивлен тем, насколько улучшились условия жизни в городах, где продолжительность жизни зачастую выше, чем в сельской местности. Однако именно бурная, можно сказать, лавинообразная урбанизация в развивающихся странах вносит огромный вклад в снижение рождаемости. Наконец, когда мы говорим, что существует оптимальная численность человечества, которая уже давно превышена, что население Земли будет расти еще несколько десятилетий, а потом начнет постепенно сокращаться и что это не зло, а благо, разве не идем мы по стопам старого рационалиста?

Если кто-то действительно опроверг Мальтуса, то это С.П. Капица, показавший с помощью феноменологической теории роста населения Земли, что численность человечества всегда подчинялась не внешним, а внутренним ограничениям [4]. Подобный вывод грубо противоречит здравому смыслу, но все самое интересное в науке начинается именно там, где мы не можем более им обходиться. Именно так было при создании теории относительности, гравитационных теорий или квантовой механики, а в наше время — теории суперструн. Впрочем, непоколебимо веривший во внешние ограничения, Мальтус едва ли был бы огорчен результатами Капицы — он искал истину, а не высокомерно ею владел, и смирение перед истиной было присуще ему, вероятно, в такой же мере, как смирение перед Богом.

Возможно, мы излишне увлеклись цитатами, но наша цель — восстановить доброе имя Мальтуса — требовала предоставить слово ему самому. Только в этом он и нуждается для защиты своих взглядов, и замалчивание его работ, весьма малая их доступность — едва ли досадная случайность. 173 года назад от нас ушел прекрасный человек, мыслитель и гуманист, безгранично предан-

ный идеалам Просвещения и глубоко веривший в Бога. Мы ничего не можем сделать для этого человека, много страдавшего от несправедливости за свои бесстрашные поиски истины. Восстанавливая истину, мы стремимся оказать посильную услугу современному обществу, зачастую бьющемуся над теми же проблемами, которые пытался решить Мальтус, причем отнюдь не всегда более успешно. Отдавая дань светлой памяти Мальтуса, мы хотим закончить статью теми словами, которыми он закончил свою книгу: «... *практическая цель, которую преследовал автор этого сочинения, состояла в улучшении участи и увеличении счастья низших классов общества* [выделено нами. — Авт.]» [2. С. 116].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 23.
- [2] *Мальтус Т.* Опыт о законе народонаселения. Пятое издание (1817 г.) / Антология экономической классики. — М.: Эконов; Ключ, 1993.
- [3] *Петров М.К.* Перед «Книгой природы». Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в. // Природа. — 1978. — № 8.
- [4] *Капица С.П.* Общая теория роста человечества. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. — М.: Наука, 1999.

APOLOGIA OF MALTUS

A.N. Sholudko, V.A. Shuper

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The theory of population of Maltus, contradictory and interpreted in a multiple way, is still influencing economic and social thought. In this article, we examine the demographic side of this theory, make an attempt to recomprehend the theoretical views of Maltus from the point of view of contemporary tendencies of the development of society.